

Нет автора

Русская старина

1875. Том 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1875. Том 12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 946 с.

ISBN 978-5-458-02765-6

ISBN 978-5-458-02765-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и чинами, но потомъ рождаются новыя распри. Вдругъ герцогъ пишетъ къ нѣмецкому императору, будто онъ намѣренъ принять католическую вѣру и просить прислать къ нему довѣренное духовное лицо. Между тѣмъ Эйхгольцъ отправляется въ Вѣну для переговоровъ о бракосочетаніи герцога съ эрцгерцогинею Магдалиною, и вѣнскій дворъ обнадеживаетъ его, что если сей бракъ состоится, то герцогъ будетъ назначенъ губернаторомъ Силезіи или Тироля. Но, по возвращеніи изъ сей миссіи, Эйхгольцъ узнаетъ сколь герцогъ перемѣнчивъ и притворенъ. Отъ слугъ своихъ онъ всегда требовалъ слѣпого повиновенія и при томъ былъ чрезвычайно скупъ. Любимою поговоркою его было: «Старые долги не надо платить, а новымъ надо дать время состариться».

Въ то время король датскій, состоя въ союзѣ съ Пруссіею и Россіею противъ Швеціи, съ войсками своими предпринялъ походъ подъ Штральзундъ. Король звалъ герцога къ себѣ въ лагерь. Герцогъ, долго мѣшкая, рѣшился наконецъ послѣдовать приглашенію, но король противъ воли задержалъ его со свитою. При семъ случаѣ Эйхгольцъ и свита герцога, будучи угощаемы Датчанами, напились пьяны (*brav vollgesoffen*); одинъ изъ мекленбургскихъ придворныхъ, Циловъ, пьяный передрался со всѣми пирующими; они же порядочно его поколотили и посадили подъ арестъ.

Наконецъ, король датскій отпустилъ герцога и чрезъ нѣсколько дней самъ съ войсками своими прибылъ къ Ростоку. Герцогъ не выѣхалъ на встрѣчу короля, бывъ занятъ молитвою (*Betstunde*). Послѣ многократныхъ тщетныхъ напоминаній о необходимости встрѣтить короля, Эйхгольцъ вышелъ изъ терпѣнія и вскричалъ: «*Potts hundert Sacrament!*» (Теперь не до Господи помилуй. Король у воротъ): «*Hier ist nicht mehr Zeit zu Kyreeleyson! Der König ist vor dem Thor*». Герцогъ, не сказавъ ни слова, поспѣшно вскочилъ съ мѣста, равно какъ и всѣ окружавшіе его офицеры, но вмѣсто встрѣчи короля онъ скрылся въ своемъ охотничьемъ замкѣ Кракѣ и возвратился оттуда не прежде, какъ по отъѣздѣ короля.

Между тѣмъ пріѣхалъ присланный отъ нѣмецкаго императора, по прежнему требованію герцога, католическій прелатъ Готвейхъ, подъ именемъ графа фонъ-Вольфштейна; герцогъ бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ каждый вечеръ отъ 6 до 8 часовъ

въ своемъ кабинетѣ; однако-жъ прелатъ изъявлялъ мало надежды на обращеніе герцога въ католическую вѣру, говоря, что герцогъ смѣшиваетъ слишкомъ много свѣтскихъ дѣлъ съ духовными. Черезъ нѣсколько недѣль католическій прелатъ уѣхалъ безъ успѣха, ибо герцогъ требовалъ, кромѣ руки эрцгерцогини, еще Неаполитанское королевство или Нидерландскія владѣнія съ самодержавнымъ правомъ.

Герцогъ, желая овладѣть городомъ Висмаромъ, занятымъ въ то время союзными войсками, и не имѣя надежды найти подпору въ императорѣ, обратилъ вниманіе на царя Россійскаго, нынѣ столь сильнаго и уважаемаго, и надѣялся что царь поддержитъ его, если онъ женится на одной изъ его племянницъ. «Тогда я буду въ состояніи, говорилъ онъ Эйхгольцу, всѣмъ предписывать законы». На сіе Эйхголецъ возразилъ, что прижитіе дѣтей есть главная цѣль брака, и что царскія племянницы для сего слишкомъ стары. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ жениться на Аннѣ Іоанновнѣ, герцогинѣ Курляндской, за которою получить славное герцогство. Эта мысль весьма понравилась Эйхгольцу. Герцогъ показалъ ему всю переписку съ своимъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ, Габихтстаемъ.¹⁾ Изъ писемъ Габихтсталя видно было, что онъ привлекъ на свою сторону старика Левенвольде и что сей послѣдній велѣлъ сказать герцогу: «что хотя онъ Лифляндецъ и нынѣ російскій вассалъ, но не забылъ нѣмецкаго происхожденія своего и не желалъ бы, что-бы нѣмецкій князь былъ обманутъ. *Qu'il falloit donc aller la bride en main et ne s'embarquer point sans biscuit.*»²⁾

Слова Левенвольда побудили Эйхгольца совѣтовать герцогу не слишкомъ торопиться въ семъ дѣлѣ. Но герцогъ хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ С.-Петербургъ и выписалъ изъ Гамбурга бриллиантовый наперсный крестъ, серьги и кольцо за 28,000 талеровъ въ подарокъ для будущей невесты. Однако-жъ герцогъ передумалъ, говоря, что царскій любимецъ, Ягужинскій, подъ Штральсундомъ, и что онъ намѣренъ чрезъ него узнать, угодно-ли будетъ царю, что-бы онъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ.

¹⁾ Габихтсталь вступилъ въ послѣдствіи въ нашу службу и былъ при Аннѣ Іоанновнѣ оберъ-церемоніймейстеромъ. П. Г.

²⁾ Не должно-де ѣхать спустя поводья и пускаться въ море не запасшись сухарями. П. Г.

Свѣдавъ чрезъ посланнаго къ Ягужинскому нарочнаго, что сей послѣдній на обратномъ пути къ царю остановится въ Гиршбургѣ, если герцогу угодно будетъ къ нему пріѣхать. Герцогъ тотчасъ послалъ за почтовыми лошадьми и приказалъ Эйхгольцу уложить въ шкатулку чернаго дерева, которую всегда возилъ съ собою, всю переписку Габихтстала и сверху положить 1,000 червонцевъ, а въ секретный ящикъ — выписанныя изъ Гамбурга алмазныя вещи. При семъ случаѣ Эйхгольцъ, отерывъ изъ любопытства футляръ, въ которомъ хранились брилліанты, воскликнулъ:

— «Та, для которой все это назначено, должна имѣть чудесную (душу)!»

Герцогъ засмѣялся. Во время отлучки герцога, Эйхгольцу поручено было исходатайствовать у датскаго короля уступку Висмара. Онъ снова увидѣлся съ герцогомъ въ Шверинѣ и спросилъ его объ успѣхѣ его свиданія съ Ягужинскимъ. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ доволенъ. Когда Эйхгольцъ, вынимая изъ шкатулки письма, увидѣлъ, что положенныхъ въ нее 1,000 червонцевъ уже не было, онъ сказалъ герцогу: «я, конечно, могъ предполагать, что ваша свѣтлость не привезете обратно этихъ денегъ». Когда же онъ хотѣлъ заглянуть въ секретный ящикъ, что-бы увидѣть тамъ-ли брилліанты, то герцогъ не допустилъ его до того говоря: «Что ты тутъ хочешь видѣть, уже довольно видѣлъ», — и болѣе ничего не сказалъ. Эйхгольцъ, любопытствуя узнать, что происходило при свиданіи съ Ягужинскимъ, спросилъ о томъ Вальтера, бывшаго съ герцогомъ, но Вальтеръ извинялся тѣмъ, что герцогъ потребовалъ отъ него особой клятвы никому ничего не пересказывать.

Спустя мѣсяцъ, Эйхгольцъ получилъ письмо отъ русскаго резидента въ Гамбургѣ, Беттигера, который просилъ его вручить герцогу приложенное поздравительное письмо о помолвкѣ его свѣтлости съ царскою племянницею. Эйхгольцъ поднесъ оба письма герцогу съ сими словами:

— «Вотъ прекрасно! Ваша свѣтлость — женихъ и ничего о томъ не знаете. Радуюсь, что я первый васъ поздравляю. Осмѣливаюсь спросить, герцогиня-ли курляндская — свѣтлѣйшая ваша невѣста?»

Изъ письма Беттигера не видно было, которая изъ царскихъ племянницъ невѣста герцога.

По вопросу Эйхгольца, за которую изъ принцессъ его свѣтлость сватался, герцогъ признался въ своей опрометчивости и какъ Ягужинскій его провель. Герцогъ вручилъ тогда Ягужинскому обручальное кольцо и бланкетъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую царь самъ назначить.

Въ тогдашней неизвѣстности ожидали съ нетерпѣніемъ дѣйствительныхъ извѣстій изъ Петербурга. Черезъ двѣ недѣли получили письмо отъ Габихтстала, который увѣдомилъ, что онъ хотѣлъ по прежнему вести дѣло о бракосочетаніи, но что пріѣздомъ Ягужинскаго оно приняло другой оборотъ и когда Габихтсталь (января 1716 г.) все-таки настаивалъ на герцогинѣ курляндской, то царь велѣлъ позвать его къ себѣ и объявилъ ему, что, имѣя бланкетъ отъ герцога, онъ можетъ ему назначить въ невѣсты любую изъ своихъ племянницъ, а если Габихтсталь еще будетъ настаивать на герцогинѣ курляндской, то сошлетъ его въ Сибирь.

Поэтому Габихтсталу оставалось только молчать.

Въ тотъ же вечеръ царь объявилъ Екатерину Іоанновну невѣстою герцога Мекленбургскаго и Ягужинскій вручилъ ей кольцо отъ имени жениха. Далѣе Габихтсталь писалъ, что царь скоро пріѣдетъ въ Данцигъ и привезетъ съ собою царевну.

Эйхголецъ изъяснилъ сожалѣніе, что герцогу не досталась герцогиня курляндская, а ея сестра, которая еще и старше (Екатеринѣ Іоанновнѣ было тогда отъ рожденія 24 года). Герцогъ утѣшилъ его:

— «Непреклонная судьба (die Fatalität) назначила мнѣ эту Катерину, но нечего дѣлать, надо быть довольнымъ; она по крайней мѣрѣ любимица царицы».

Но герцогъ самъ не успокоился своими словами и, рассказывая въ безпокойствѣ по комнатѣ, наконецъ спросилъ:

— «Что думаешь, Эйхголецъ, хорошо-ли это кончится?»

«Ваша свѣтлость!» отвѣчалъ Эйхголецъ, «вы должны знать это лучше меня; не я далъ вамъ такой совѣтъ и не могу быть въ отвѣтъ за послѣдствія».

При томъ упрекалъ герцога, что онъ требуетъ совѣта, а дѣйствуетъ по своему. Герцогъ сѣлъ и написалъ къ своему банкиру въ Гамбургъ, что-бы прислалъ ему на 70,000 талеровъ драго-

цѣнностей разнаго рода (для подарковъ при російскомъ дворѣ). Потомъ разсуждали въ тайномъ совѣтѣ, самому-ли герцогу ѣхать въ Петербургъ, не ожидая приглашенія царя, или же отправить туда посольство? Эйхгольцъ былъ послѣдняго мнѣнія, какъ болѣе соотвѣтственнаго княжескому достоинству. Герцогъ согласился назначить самого Эйхгольца посланникомъ и кредитивныя письма были заготовлены. Но вдругъ, переѣбавъ мысли, онъ самъ вознамѣрился ѣхать.

Отправились въ 4-хъ дорожныхъ коляскахъ и герцогъ, по скупости своей, хотѣлъ, что-бы Эйхгольцъ ѣхалъ безъ камердинера, и позволилъ ему взять съ собою камердинера не прежде какъ когда Эйхгольцъ рѣшительно объявилъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не поѣдетъ. Въ Перлебергѣ узнали о разсказѣ проѣхавшаго російскаго поручика, что царь въ Данцигѣ и, по приглашенію королей датскаго и прусскаго, скоро пріѣдетъ въ Германію. Герцогъ безпокоился, что не застанетъ уже царя въ Данцигѣ. Эйхгольцъ уговорилъ герцога возвратиться въ Мекленбургъ, а его отправить посланникомъ къ царю въ Данцигъ. Къ счастью прежде заготовленныя кредитивныя письма уцѣлѣли и герцогъ ихъ подписалъ.

II.

Въ Данцигѣ Эйхгольцъ милостиво принятъ былъ царемъ и царскою фамиліею; приглашали его всюду, гдѣ угощали царя. Онъ очень опасался, что-бы герцогъ, снова переѣбавъ мысли, не пріѣхалъ на свадьбу и что-бы его, посланника, не отправили за то въ Сибирь.

Царь ежедневно спрашивалъ: «Wann kummt Herzog?»

Наконецъ на седьмой день герцогъ пріѣхалъ и Эйхгольцъ повелъ его тотчасъ къ епископу Ермеландскому, у коего царь находился въ гостяхъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

При входѣ герцога, царь спросилъ: «Wo ist ober-marchall?» (т. е. Эйхгольцъ); но самъ герцогъ показался и Ягужинскій представилъ его государю (8-го марта 1716 г.).

Царь обнялъ и поцѣловалъ герцога и подвелъ его къ царицѣ и къ невѣстѣ, царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ.¹⁾

¹⁾ Подробная характеристика царевны Екатерины Іоанновны помѣщена въ нами составленной монографіи: «Царица Прасковья» 1664—1723. Спб., 1861 г., глава V-я, стр. 44—67.

Передъ царемъ (такъ рассказываетъ Эйхгольцъ) его свѣтлость велъ себя съ большею скромностью и смиреніемъ, нежели передъ самимъ цесарскимъ величествомъ и почти съ рабскимъ униженіемъ, а передъ царицею и невѣстою онъ былъ хотя вѣжливъ, но холоденъ, такъ что Эйхгольцъ нашелъ нужнымъ извинить его, сказавъ оберъ-гофмейстеринѣ російскаго двора:

— «Кажется свѣтлѣйшій женихъ еще не довольно познакомился и отъ дороги не въ веселомъ расположеніи духа, но это пройдетъ».

Въ первый вечеръ герцогъ довольно понравился царю, потому что Петръ не успѣлъ узнать его короче, ибо герцогъ былъ отвлекаемъ иностранными и російскими министрами, подходившими къ нему съ похвальною привѣтствіями. Когда сѣли за ужинъ, Эйхгольцъ замѣтилъ, что герцогъ, сидѣвшій подлѣ царя, снова принялъ свойственный ему холодный и угрюмый видъ; онъ, вставъ и подошедъ къ герцогу, сказалъ ему на ухо, что-бы онъ предложилъ царю большой кубокъ за здравіе родителя и сына. Герцогъ исполнилъ совѣтъ и царь, принявъ тостъ, поцѣловалъ герцога. Потомъ Эйхгольцъ, подойдя къ царю, сказалъ:

— «Ваше царское величество приняли нынѣ моего милостивѣйшаго герцога за сына и дали ему супругу. Осмѣливаюсь и я просить, что-бы и меня ссудили женою».

Царь, смотря на него, съ удивленіемъ спросилъ по-голландски: «А что, развѣ ты еще не женатъ?» Потомъ, снявъ съ него парикъ и посмотрѣвъ на него, продолжалъ: «Сверху ты молодецъ и имѣешь хорошій умъ, но снизу обстоитъ плохо».

Эйхгольцъ, покраснѣвъ, замолчалъ, и когда послѣ ужина начались танцы и царь ему приказалъ танцевать, онъ отвѣчалъ:

— «Ваше величество меня такъ пристыдили предъ всею компаніею, что я уже не смѣю поднять глазъ ни на одну изъ дамъ».

Царь, смѣясь, сказалъ: «Я уже найду тебѣ пару».

На второй и третій день герцогъ велъ себя изрядно, но на четвертый за ужиномъ возникъ споръ, лучше-ли для кавалеріи колотъ по-шведски или рубить по-руски? Царь былъ послѣдняго мнѣнія, а герцогъ придерживался перваго такъ усердно и упорно, что споръ сдѣлался шумнымъ, а Эйхгольца бросало въ потъ, какъ Іуду (Iudas-Schweiss geschwitzet).

Возвращаясь домой, Эйхгольцъ сказалъ герцогу: «Ради Бога,

ваша свѣтлость, берегитесь! Вы имѣете дѣло съ такимъ государемъ, съ которымъ надобно обходиться осторожно. Какое вамъ дѣло, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы пріѣхали сюда, что-бы колоть».

Герцогъ отвѣчалъ, что заблаговременно должно пріучить царя, такъ какъ ему нужно.

Начались переговоры касательно брачныхъ трактатовъ. «Когда графъ Горнъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—сочинялъ брачный трактатъ между покойнымъ герцогомъ и его супругою, то не имѣлъ другого труда, кромѣ составленія выписки изъ прежнихъ договоровъ герцогскаго дома, и за то дали ему 1,000 червонцевъ и сверхъ того серебряный сервизъ въ 5,000 гульденовъ. Нынѣ же русскіе министры и слышать не хотятъ о прежнихъ договорахъ герцогскаго дома, говоря, что дѣло идетъ объ императорской принцессѣ, которую слѣдуетъ иначе обезпечить, нежели прежнихъ герцогинь Мегленбургскихъ. Прежнимъ герцогинямъ, бывшимъ не одной вѣры съ супругами, позволялось имѣть только одного духовника; Русскіе же требовали содержанія архимандрита и 12 человекъ пѣвчихъ. Прежнимъ оберъ-гофмейстерамъ назначали 500 талеровъ жалованья; теперь требовали 3,000 и въ той же соразмѣрности жалованья придворнымъ дамамъ».

Бѣдный Эйхгольцъ по цѣлымъ днямъ спорилъ съ Головиннымъ, Шафировымъ и Толстымъ, такъ что едва не подвергся кровохарканію (*dass er hätte mögen Blut spreuen*); а когда по вечерамъ герцогъ приходилъ къ царю, то его свѣтлость не упорствовалъ и соглашался на всѣ требованія русскіхъ министровъ. Придворныя русскія дамы стали такъ ненавидѣть Эйхгольца, что при появленіи его громко восклицали: «*Hu ober-mag-schall! Bös Mann! Bös Mann!*»

Но царь Петръ Алексѣевичъ, слыша сіе, всегда защищалъ его, говоря: «Онъ правъ; онъ дѣлаетъ, что государь его велитъ и соблюдаетъ его пользу».

Предложили заплатить герцогу 200,000 руб. сер. (по тогдашнему 400,000 талеровъ), доставшихся Екатеринѣ Іоанновнѣ по наслѣдству отъ родителя ея; но герцогъ, подъ видомъ великодущія, отклонилъ сіе предложеніе и просилъ гарантировать ему лучше городъ Висмаръ. «Такъ», говоритъ Эйхгольцъ, «у насъ изъ-подъ носу ускользнули 400,000 талеровъ. Зачѣмъ было не

вить этихъ денегъ въ зачетъ за несправедливыя притѣсненія, претерпѣваемыя Мекленбургскимъ краемъ отъ російскаго войска!»

Носился слухъ, что генераль Адамъ Вейде и кн. Долго-руковъ соединятся съ корпусомъ кн. Репнина въ Мекленбургѣ.

— «Берегитесь, ваша свѣтлость (говорилъ Эйхгольцъ герцогу), что-бы эти Русскіе не пожрали цѣлаго Мекленбурга».

Герцогъ отвѣчалъ: «Пустое, они намъ ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ народа который довольствовался бы столь малымъ. Русскіе ѣдятъ траву и пьютъ воду».

Это показалось Эйхгольцу не безвѣроятнымъ, потому что онъ помнилъ, какую превосходную дисциплину російскія войска соблюдали въ 1712 г., при чемъ поддержаніе этой дисциплины ничего не стоило, кромѣ лучшаго коня изъ герцогской конюшни, со сбруею, купленною въ Парижѣ за 1,800 талеровъ, и вошелъ за 1,000 червонцами, доставшихся въ подарокъ главнокомандующему кн. Менишникову. Такъ и Петръ Анд. Толстой говорилъ, что войска не требуютъ ничего какъ: «un poco di rape! un poco di rape!»

Между тѣмъ, по случаю пріѣзда въ Данцигъ короля польскаго, у русскихъ вельможъ ежедневно были балы и разныя угощенія.

По подписаніи брачныхъ трактатовъ, герцогъ, вовсе не думая о совершеніи брака, избѣгалъ присутствія царя, извиняясь разными пустыми предлогами; съ невѣстою обходился онъ весьма равнодушно и поступалъ чрезвычайно надменно съ російскими вельможами, которымъ оказывалъ даже презрѣніе, такъ что всѣ перестали его любить. Царь скоро узналъ герцога, и шведскій его нарядъ, и шведскій мундиръ его людей ему надѣли; но, давъ уже слово, настаивалъ на совершеніи бракосочетанія.

III.

Наканунѣ свадьбы (7-го апрѣля 1716 г.) герцогъ Карлъ Леопольдъ причастился св. таинъ.

8-го апрѣля 1716 г., въ день свадьбы, поутру, Эйхгольцъ, подходя къ кровати герцога, спросилъ его: «каково теперь самочувію вашему и чувствуете-ли, ваша свѣтлость, себя спокойнымъ?»

Герцогъ отвѣчалъ: «да!» и вставъ, одѣлся по своему великолѣпно, не забывъ большой шведской шпаги на широкой богато вы-

питой перевязи. Онъ не могъ отвыкнуть отъ этой шведской моды, хотя Эйхгольцъ перѣдко ему товаривалъ:

— «Ваша свѣтлость! съ кѣмъ хотите драться, что всегда изволите носить столь огромную шпагу? Не лучше-ли было бы если-бъ вы одѣвались равно съ другими принцами — скромно и безъ особеннаго отличія?»

Эйхгольцъ замѣчаетъ какъ странность, что герцогъ въ день свадьбы не надѣлъ манжетовъ.

Герцогъ въ день свадьбы обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, въ 2 часа, пріѣхалъ генералъ Вейде, вести герцога въ своей каретѣ къ царю, ибо герцогъ не имѣлъ съ собою собственнаго экипажа. Предъ нимъ ѣхала въ наемныхъ каретахъ свита его: Вальтеръ, Габихтсталь, Беркгольцъ и Эйхгольцъ. Площадь предъ домомъ, въ коемъ жилъ царь, и даже крыши сосѣдственныхъ домовъ наполнены были народомъ. Когда герцогъ выходилъ изъ кареты, то зацѣпилъ парикомъ за гвозди и долженъ былъ стоять нѣсколько минутъ съ голою головою посреди народа, покуда вѣрный Эйхгольцъ не успѣлъ снять парикъ съ гвоздя и снова надѣть ему на голову.

У царя находился король польскій; ихъ величества приняли герцога весьма благосклонно. Въ присутствіи прочихъ андреевскихъ кавалеровъ царь наложилъ на герцога орденъ и всѣ кавалеры, по очереди, обнимали новаго своего товарища. Потомъ вошли къ невѣстѣ, убранной велико-княжескою короною (*fast Kaiserliche Krone*), и отправились пѣшкомъ чрезъ улицу въ каплицу, на-скоро построенную. Греко-россійскій епископъ совершилъ обрядъ вѣнчанія, не взирая на представленныя Эйхгольцомъ опасенія, состоявшія въ томъ, что процессъ о разводѣ герцога съ супругою перваго брака еще продолжался въ Вѣнѣ и поелику греческая вѣра не принадлежала къ числу принятыхъ въ римской имперіи вѣроисповѣданій, то законность новаго брака въ послѣдствіе времени могла быть оспариваема. ¹⁾ Посему Эйхгольцъ совѣтовалъ герцогу обрядъ вѣнчанія поручить священнику, какаго-либо въ римской имперіи признаваемаго вѣроисповѣданія; но герцогъ не внялъ этому совѣту. Во время

¹⁾ Первая жена Карла-Леопольда была Софія-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская. Ред.

церемоніи, продолжавшейся два часа. царь Петръ, по своему обыновенію, часто переходилъ съ одного мѣста на другое и самъ указывалъ пѣвчимъ въ псалтырѣ, что надлежало пѣть.

Изъ церкви пошли процессією въ вечернему столу и многіе въ народѣ громко восклицали: «Смотрите, у герцога нѣтъ манжетовъ!»

Столъ накрытъ былъ въ узкой комнатѣ. Брачное ложе находилось въ комнатѣ, украшенной въ японскомъ вкусѣ, и наполненной японскими лакированными вещами, какихъ, по словамъ Эйхгольца, у Русскихъ много. Самая кровать была также лакирована и Эйхголецъ опасался, что герцогъ въ нее не ляжетъ, такъ какъ запахъ отъ лакировки былъ ему противенъ.

На площади, передъ домомъ герцога, былъ фейерверкъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый королемъ польскимъ Августомъ II и герцогомъ Мекленбургскимъ, ходилъ и суется по площади и самъ забавлялся зажитаніемъ ракетъ. Эйхголецъ ходилъ за своимъ герцогомъ, боясь падающихъ ракетныхъ шестовъ. Онъ сказалъ ему, что свѣтлѣйшая невѣста въ 10 часовъ удалась въ спальню и что уже пробилъ часъ пополуночи, а что потому и его свѣтлости пора ложиться спать. Наконецъ онъ убѣдилъ герцога войти въ спальню и самъ, утомленный и при томъ полупьяный, легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, однакожь не надолго. Около 4-хъ часовъ кто-то разбудилъ его, сказавъ тихимъ голосомъ: «Эйхголецъ, Эйхголецъ, что ты спишь?» Проснувшись и очнувшись съ трудомъ, Эйхголецъ увидалъ предъ собою герцога и сильно испугался, думая что опять случилось такое происшествіе (?) какъ съ разведенною герцогинею. Но герцогъ велѣлъ ему не дѣлать шума и объявилъ, что хочетъ лечь къ нему. Эйхголецъ уступилъ ему свою кровать, а самъ легъ къ Берггольцу.

Не смотря на свой странный поступокъ, герцогъ на другое утро пошелъ къ герцогинѣ и поднесъ ей подарки. Потомъ велѣлъ Эйхгольцу заготовить уведомительныя письма о заключенномъ бракѣ къ цесарскому величеству и ко всѣмъ курфирстамъ.

На другой день царь угощалъ новобрачныхъ.

На третій день герцогъ обѣдалъ дома. Кромѣ оберъ-гофмейстерины, Ежатерина Іоанновна имѣла при себѣ трехъ фрейлинь русскихъ: прекрасную Салтыкову, состоявшую въ близ-